

КАК СПАСТИ ЖИЗНЬ

Тебе никогда не хотелось повернуть время вспять, чтобы исправить свои ошибки? Если бы ты не размазала под клоуна куклу «Братц»¹, которую подарили твоей лучшей подруге на день рождения, когда ей исполнилось восемь лет, она не променяла бы тебя на новую девочку, приехавшую из Бостона. А в девятом классе ты бы не сбежала на пляж вместо тренировки по футболу, если бы знала, что тренер оставит тебя на скамье запасных до конца сезона. Если бы не те неверные решения, может быть, твоя бывшая лучшая подруга отдала бы тебе тот лишний билет на место в первом ряду на показе модной коллекции *Marc Jacobs*. Или ты теперь выступала бы в качестве вратаря за женскую национальную сборную по футболу, а кроме того, подписав контракт с фирмой *Nike*,

¹ «*Bratz*» — название серии кукол, изображающих девочек-подростков, которая выпускается компанией *MGA Entertainment*.

демонстрировала бы ее продукцию и имела бы дом на побережье в Ницце. Отдыхала на фешенебельных курортах Средиземноморья, а не сидела на уроке географии, пытаясь отыскать все это на карте.

В Роузвуде фантазировать о том, как переиначить ход событий, дело обычное, как и традиция дарить подвески-сердечки девочкам на тринадцатилетие. И четыре бывшие лучшие подруги многое бы отдали, чтобы перенестись в прошлое и сделать правильный выбор. Но что, если и впрямь у них появилась бы возможность вернуться туда? Сумели бы они уберечь от гибели свою пятую лучшую подругу... или ее трагедия неразрывно вплетена в их судьбы?

Прошлое порой содержит больше вопросов, чем ответов. А в Роузвуде, что ни возьми, все *всегда* представляется не тем, чем является на самом деле.

— Она обалдеет, когда я расскажу ей об этом, — заявила Спенсер Хастингс своим лучшим подругам Ханне Марин, Эмили Филдс и Арии Монтгомери. Поправив цвета морской волны футболку с шитьем, она позвонила в дверь дома Элисон ДиЛаурентис.

— С какой стати именно *ты* должна все ей рассказать? — спросила Ханна, прыгая с крыльца на дорожку и обратно. С тех пор, как Элисон, их пятая лучшая подруга, сообщила Ханне, что не толстеют только активные девчонки, Ханна совершала слишком много лишних движений.

— А давайте сделаем это все вместе, — предложила Ария, потирая ключицу, куда она налепила временную татуировку с изображением стрекозы.

— А что, здорово. — Эмили убрала за уши ровно остриженные светло-рыжие волосы. — И в конце, пританцовывая, еще и пропоем: «Та-да-да-да!»

— Исключено. — Спенсер гордо выпрямилась. — Амбар — мой. Я и сообщу.

Она снова нажала кнопку звонка.

Ожидая, пока им откроют, девочки слушали, как жужжат машинками садовники, подрезавшие живую изгородь вокруг соседнего особняка, где жила Спенсер, как стучит — «чпок-чпок» — мячик: на заднем дворе следующего дома близнецы Фэрфилды играли в теннис. В воздухе витал аромат сирени, скошенной травы и крема от загара *Neutrogena*. В общем, это была типичная для Роузвуда идиллическая картина: в этом славном городке все было прелестно, в том числе звуки, запахи и его обитатели. Девочки провели в Роузвуде почти всю жизнь и гордились своей принадлежностью к столь исключительному месту.

Больше всего девочки обожали роузвудское лето. Утром следующего дня, сдав последний итоговый экзамен за седьмой класс в школе Роузвуда, где учились подруги, они примут участие в ежегодной церемонии вручения значков по случаю окончания учебного года. Директор Эпплтон будет вызывать по очереди всех учеников, от самых младших до одиннадцатиклассников, и каждый школьник получит золотой значок весом двадцать четыре карата: девочки — в форме гардении, мальчики — в форме подковы. А потом их отпустят на два восхитительных месяца — загорать,

устраивать пикники, кататься на лодках и ездить на экскурсии по магазинам в Филадельфию и Нью-Йорк. Скорее бы.

Но для Эли, Арии, Спенсер, Эмили и Ханны совсем не эта торжественная церемония ознаменует переход на новую ступень взросления. Для них лето наступит только вечером того же дня, на «ночном девичнике», которым они отметят окончание седьмого класса. И подруги приготовили сюрприз для Эли, благодаря которому их каникулы начнутся особенно необычно.

Наконец дверь дома ДиЛаурентисов распахнулась. Перед ними стояла миссис ДиЛаурентис — в коротком бледно-розовом платье с запахом, подчеркивавшим красоту ее стройных мускулистых ног.

— Здравствуйте, девочки, — холодно поприветствовала она подруг.

— Эли дома? — спросила Спенсер.

— Наверху, наверное. — Миссис ДиЛаурентис отступила в сторону, пропуская их в дом. — Поднимайтесь.

Спенсер первой вошла в дом и направилась через холл к лестнице на второй этаж. Белая спортивная юбочка в складку колыхалась в такт ее решительному шагу, русая коса подпрыгивала на спине. Девочкам нравился дом Эли, источавший запахи ванили и кондиционера для белья. На стенах висели роскошные фотографии — память о поездках ДиЛаурентисов в Париж, Лиссабон и на озеро Комо. Среди них встречалось немало школьных снимков Эли и ее брата Джейсона. Подружкам особенно нравилась фотография Эли-второклассницы в розовом жакете: бла-

годаря яркому цвету создавалось впечатление, что лицо девочки просто светится. В то время ДиЛаурентисы жили в штате Коннектикут, а Эли училась в старинной частной школе, где, в отличие от Роузвуда, воспитанников не заставляли позировать для школьного альбома в пуританских синих пиджаках. Эли уже в восемь лет была очаровательна: ясные голубые глаза, лицо в форме сердечка, озорное и в то же время милое, прелестные ямочки — злиться на такую невозможно.

Спенсер коснулась нижнего уголка их любимого фото, того самого, что было сделано в июле минувшего года, когда они впятером отдыхали на лоне природы в горах Поконо. На снимке, мокрые после купания в мутной озерной воде, они стоят возле огромного каноэ и широко улыбаются. Видно, что все пятеро бесконечно счастливы, радуются жизни, как только могут радоваться лучшие подруги, которым двенадцать лет.

Ария накрыла ладонью руку Спенсер, Эмили — руку Арии, и Ханна сверху положила свою. На долю секунды они закрыли глаза, почти одновременно усмехнулись и опустили руки. Традиция трогать эту фотографию зародилась, когда снимок только появился на стене — напоминание о первом лете их крепкой дружбы. Подругам с трудом верилось, что Эли, принцесса роузвудской школы, приняла их четверых в свой круг приближенных. Как если бы они стали наперсницами какой-нибудь знаменитой актрисы или певицы.

Но признаться в этом себе... пожалуй, стыдно. Тем более теперь.

Проходя мимо гостиной, они увидели две мантии, висящие на ручке застекленной створчатой двери. Белая принадлежала Эли; более строгая, темно-синяя — Джейсону. С осени брат Эли начнет учебу в Йельском университете. Девочки одновременно всплеснули руками: им самим не терпелось облачиться в мантии и береты — традиционное одеяние выпускников Роузвуда со дня основания школы в 1897 году. И тут они заметили, что в комнате кто-то есть: на кожаном двухместном диванчике сидел Джейсон. Он тупо пялился в телевизор, где шли новости *CNN*.

— Джейсон, при-и-ве-е-т. — Спенсер помахала ему. — Волнуешься перед завтрашним днем?

Парень глянул на них. Он был красив, как Эли, только по-мужски — светлые волосы теплого оттенка, потрясающе выразительные голубые глаза. Джейсон фыркнул и, не сказав ни слова, снова уткнулся взглядом в телеэкран.

— Ла-а-а-дно, — в унисон протянули девушки.

Вообще-то, Джейсон отличался веселым нравом — это он придумал игру «чур не я», в которую играл со своими друзьями. Подруги переняли эту забаву, но переделали ее на свой лад: в основном высмеивали девчонок-зануд в их присутствии. Но Джейсон, бывало, впадал и в уныние. В таких случаях Эли говорила, что ее брат «включил Эллиотта Смита»¹, всегда мрачного музыканта, творчество которого нравилось

¹ *Smith, Elliott* (1969—2003) — американский композитор, автор и исполнитель собственных песен. На протяжении нескольких лет страдал хронической депрессией, алкоголизмом и наркозависимостью. Эти темы часто находили отражение в его лирике.